

Статьи

НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА

Московская архитектурная школа (МАРШ), Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6798-963X

«На что я могу надеяться?» Социология надежды и права в городских исследованиях

doi: 10.22394/2074-0492-2021-4-8-34

Резюме:

Статья ставит целью показать, как концепт «надежды» и его проявления в пространстве городской повседневности позволяют сформулировать альтернативу городским исследованиям, анализирующим социальные конфликты и столкновения сообществ в городе. Существующие концептуализации надежды в городских исследованиях остаются крайне размытыми, поэтому в статье предлагается более четкое определение надежды и техниках ее воплощения в социальных взаимодействиях. Концептуализация «техник надежды» построена на определении Зиммелем намека на надежду в социальном общении и на его доработке с помощью антропологического концепта надежды, в которых она выступает либо как элемент правовых отношений, либо как метод познания. Чтобы проверить работоспособность предлагаемой концептуализации «техник надежды», в статье рассмотрены два кейса-исследования «идеальной виллы» и «вернакулярного ансамбля». Кейсы описывают методы работы двух типов знания — трансцендентного знания/знания самого себя — и двух способов регулирования — формального/неформального права. Каждый кейс показывает, каким образом техники надежды связывают материальное и социальное в городском пространстве и позволяют

8

Наталья Алексеевна Волкова — MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ), преподаватель модуля «Урбанизм» в Московской архитектурной школе (МАРШ). Научные интересы: социальная топология, социология права, социология города. E-mail: chestrek@gmail.com.

Автор выражает благодарность Юрию Пальмину, Марату Невлютову, Анастасии Герасимовой и группе бакалавриата 3 курса Московской архитектурной школы (МАРШ) за обсуждение статьи Колина Роу, которое позволило по-новому взглянуть на текст.

им сосуществовать. Действие техник надежды в каждом случае зависит от двух способов регулирования: технического (геометрия виллы или решетка улиц города) и социального (обычное право и неписанные правила). Результаты анализа двух кейсов тестируются на примере двух эмпирических ситуаций. Переключения между разными типами знания и способами регулирования в этих ситуациях показывают, как городские акторы совмещают различные типы знаний. Чтобы воплощать свои надежды в социальных взаимодействиях, акторы обращаются к техническому городскому праву и используют подвижность текучих юрисдикций, которые локализуют применение технических норм.

Ключевые слова: вернакулярный ансамбль, Зиммель, идеальная вилла, текучие юрисдикции, техники надежды, самопознание

Natalia A. Volkova¹

Moscow School of Architecture (MARSH), Moscow, Russia

“What can I hope for?” Sociology of Hope and Law in Urban Studies

Abstract:

The article shows how the concept of “hope” in the space of urban everyday life suggests the way to analyze fluid urban social interactions. The conceptualizations of hope in urban studies remain rather vague, therefore the article proposes redefining of hope and the techniques for the implementation of hope. The conceptualization of “techniques of hope” is grounded on to Simmel’s definition of hope in social interactions and to the anthropological research, where hope acts either as a legal element or as an epistemological method. To test the efficiency of the proposed conceptualization of the “techniques of hope”, the article examines two pure cases of the “ideal villa” and the “vernacular ensemble”. The cases represent the work of two forms of urban knowledge: transcendent or self-knowledge. Each case shows how the techniques of hope connect the material and social in the urban space and allow them to coexist. The functioning of the techniques of hope in each case depends on two methods of regulation: technical (the geometry of the villa or the urban grid) and social (common law and non-written rules). The results of the analysis of two cases are tested on two empirical situations. Switching between different types of knowledge in these situations demonstrates how urban actors combine different types

9

1 Natalia A. Volkova — MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics), Lecturer of the Urbanism module at the Moscow School of Architecture (MARSH). Research interests: social topology, sociology of law, urban sociology. E-mail: chestrek@gmail.com.

The author expresses her gratitude to Yuri Palmin, Marat Nevlyutov, Anastasia Gerasimova and the 3rd year undergraduate students of the Moscow School of Architecture (MARSH), who participated in the discussion of Colin Rowe’s text.

of knowledge. To translate their hopes into social interactions, actors turn to urban technical regulations and mobilize fluid jurisdictions that localize the application of technical norms.

Keywords: fluid jurisdictions, ideal villa, Simmel, self-knowledge, techniques of hope, vernacular ensemble

(Без)надежный город?

10 **О**писания городских изменений в рамках городских исследований следуют одной из двух стратегий. Изменения могут затрагивать интересы горожан и становиться причиной конфликтов между различными городскими акторами. В то же время изменения могут возникать в результате инвестиций, направленных на развитие города и рост его экономики, создание привлекательной городской среды и поддержание технических инноваций. Исходной точкой двух способов описания изменений, как правило, выступает конфликт, который в первом случае происходит явно, а во втором имеет неявный или скрытый характер. Конфликты как предпосылки городской социальности показывают, что в основе городских взаимодействий лежит классическое преодоление состояния «войны всех против всех» [Желнина, Тыканова 2021]. Однако, делая акцент на конфликтах, городские исследования отказывают городу в возможности «нормального» повседневного существования [Вахштайн 2011]. Это особенно заметно, если обратиться к двум хрестоматийным примерам конфликтов — борьбе градозащитников за сохранение исторической застройки и борьбе горожан против крупных девелоперских проектов.

С момента своего создания в 2009 году московское градозащитное движение «Архнадзор» ведет две книги — «Черную» и «Красную». В них собраны данные обо всех исторических зданиях Москвы, как уже утраченных, так и тех, что находятся под угрозой сноса. Движение борется за их сохранение. Борьба за их сохранение сопровождается разочарованиями, когда исторические постройки сносятся и на их месте возникают новые здания. Историков и архитекторов, организовавших «Архнадзор», объединили не только профессиональные знания, но и любовь к историческому городу, в котором они живут. Чтобы пробудить интерес к истории города и перейти от конфликтов к диалогу «Архнадзор» создал «Школу наследия». Необходимость открытия Школы Марина Хрусталева, ее первый программный директор, связывает с особенностями защиты наследия: сохранение исторических зданий требует объяснения их ценности для бизнеса и необходимости долгосрочного экономического планирования [Хрусталёва 2016]. В отличие от Черной и Красной

книг, связанных с деятельностью Архнадзора в ситуациях явных конфликтов, повседневная работа Школы остается невидимой для городских исследований. Тем не менее, именно Школа создает основу для поддержания движения и показывает альтернативу разочарованию, неизбежному при сносе исторических зданий.

Городские конфликты связаны не только с наследием, но и с развитием новых территорий. Предпосылки девелоперских конфликтов заложены в рисках, связанных с информацией о территории и с изменениями экономической ситуации. Несоответствие построек изначальным обещаниям, изменения в проектах и нарушения сроков порождают конфликты с покупателями жилья [Запорожец, Багина 2021]. Конфликты с муниципальными властями возникают из-за изменений в градостроительных документах или отказов в разрешении на строительство. Девелоперы стремятся скрыть риски за счет маркетинговых компаний и избежать конфликтов с помощью принятия локальных технических решений, формальных и неформальных компромиссов [Павлов 2018]. С точки зрения, городских исследований, девелоперы предпринимая попытки снизить свои риски в обход существующих правил и оспаривают, тем самым, сложившийся порядок. В то же время, невозможность снизить и скрыть риски делает нереализуемыми девелоперские проекты (о схожей стратегии у трейдеров см. [Miyazaki 2003]), поскольку горожане и покупатели не будут брать неизбежные риски на себя. В результате, компромиссная позиция девелоперов вызывает критику, основанную на представлении горожан об идеальном порядке и справедливости, в то время как повседневные практики девелоперов зависят от возможностей скрыть риски за обещаниями идеальной жизни.

11

Что упускают исследования городских изменений, обращаясь к анализу публичных конфликтов, и что дает обращение к городской повседневности? В недавнем исследовании Оксана Запорожец и Яна Багина, рассматривая конфликт покупателей жилья и девелопера, сделали акцент на неоправданных «инфраструктурных надеждах» горожан [Запорожец, Багина 2021]. Наличие инфраструктурных надежд, с одной стороны, приводит к конфликту, если жители не получают обещанного, а с другой, они позволяют жителям выстраивать повседневные практики во взаимодействии с девелоперами. Надеждам горожан противостоят надежды девелоперов, которые публично выражены в маркетинговых материалах и позволяют им рутинизировать риски, связанные с проектом. Надежды градозащитников опираются на выстраивание долгосрочного диалога с представителями муниципальной власти и бизнеса. Однако, повседневная перспектива, связанная с надеждой, остается за рамками исследований городских изменений, сфокусированных

на конфликтах, а сам концепт надежды оказывается размытым. К надеждам могут быть отнесены планы развития, ожидания горожан, образы городского будущего и оптимизм профессионалов при реализации городских проектов [Harvey 2000; Coutard, Guy 2007; Pow 2015; Reeves 2017; Амин, Твифт 2017; Inch, Slade, Crookes 2020]. Подобная размытость концепта появляется вследствие скрытого характера надежд, которые не декларируются публично и действие которых невозможно наблюдать напрямую, в отличие от открытых конфликтов. Если надежда присутствует в городских изменениях, то возникают вопросы: какую она обретает форму, и как форма ее выражения зависит от повседневных практик акторов и от их целей?

В пяти разделах статьи надежда рассмотрена, с одной стороны, как теоретический концепт, существующий на стыке социологии и антропологии, а с другой, как способ описания эмпирических отношений на примере исследований двух городских объектов: идеального и вернакулярного (исторического). В первой части, отталкиваясь от определения Зиммеля, предложена концептуализация городских изменений как воплощенных надежд, которые зависят от знаний акторов и способов регулирования. Вторая часть посвящена методу анализа и принципам отбора кейсов. В третьей и четвертой части, опираясь на предложенную концептуализацию, разбираются исследования двух типов городских объектов. Статья Колина Роу об идеальной вилле описывает идеальный объект и надежды с ним связанные, а работа Андрея Иванова о вернакулярном ансамбле анализирует повседневный и исторический взгляд на город. В последнем разделе, возвращаясь к примеру историков-градозащитников и девелоперов, показано, что надежды, лежащие в основе городских изменений, возникают как результат материального воплощения знаний о городе и способов их регулирования.

12

Надежда: социальное и антропологическое измерение

Надежда в социальных взаимодействиях

Для социологии концепт надежды остается периферийным, хотя к нему обращаются в отдельных работах классики социологии — Токвилль, Вебер и Дюркгейм [Neves 2003; Swedberg 2007]. Однако, как отмечает Сведенберг, упоминания надежды Вебером и Токвилем фрагментарны, а Дюркгейм четко не отделяет надежду от оптимизма и счастья. Действуя иначе, Зиммель отрицает возможность появления надежды в социальном взаимодействии или *общении*. Однако отрицая социальный характер надежды, Зиммель дает ее определение, что позволяет уточнить границы концепта и доработать его,

опираясь на работы антропологов города, управления и права.

В «Созерцании жизни» Зиммель обращается к идее надежды, подчеркивая, что она невозможна в эмпирической жизни и возможна только при условии веры в бессмертие: *«Жизнь в своем продвижении заставляет нас в общем терять надежду, не всегда в мыслях, но в бытии. В старости мы не верим больше в возможность больших перемен; они представляются нам как бы иллюзорными»* [Зиммель 2018: 74], — и далее — *«И в этом отношении мира содержится проблематика, потребность в разрешении которой может быть, по-видимому, удовлетворена только надеждой на бессмертие. Я имею в виду случайность, существующую между нашими индивидуальными, принесенными в жизнь свойствами, и исторической преднайденной средой»* [Зиммель 2018; 82]. Из этих двух фрагментов можно сделать несколько выводов. Во-первых, надежда в эмпирической жизни тесно связана с идеей конца, то есть, смерти. Во-вторых, чем дальше от человека конец, тем вероятнее наличие надежды. Надежда может существовать только на дистанции, которая сродни художественной идеализации и остранению [Зиммель 2018: 56-57]. Поэтому надежда, согласно Зиммелю, принципиально недостижима, но стремление к ней дает человеку способность действовать.

13

Зиммель утверждает, что надежда может быть выражена только в художественном созерцании и искусстве, где сохраняется дистанция, а в социальных взаимодействиях, где акторы сталкиваются, сокращая дистанцию, надежда невозможна. *«Неуместно, бестактно (поскольку это противоречит правилу взаимодействия) приносить в общение глубоко личностное — сугубо личные проблемы и разочарования, приподнятость и подавленность, свет и мрак глубин жизни»* [Зиммель 2015: 255]. «Глубины жизни» в этом случае так же непреодолимы, как недостижимо бессмертие, которое дает возможность надеяться, а попытка сделать их явными разрушает социальное взаимодействие. Единственная форма надежды, которую допускает Зиммель, игровая, искусственная, сохраняющая намек на существующую дистанцию, но не позволяющая содержанию менять форму взаимодействия [Там же: 259]. Подобная полу-надежда, сохраняющаяся в социальном взаимодействии, создает проблему: в какой форме сохраняется дистанция и надежда в общении? Или перефразируя вопрос Канта: на что можно надеяться в социальном взаимодействии?

В результате можно говорить, что Зиммель различает два типа надежды: трансцендентную («художественная дистанция») и индивидуальную («глубины жизни»). Однако, чтобы понять, как эти два типа надежды связаны между собой и могут быть отражены в игровой дистанции общения, необходимо обратиться к антропологической традиции, развивающей идеи Эрнста Блоха, ученика Зиммеля. Совмещение социологической и антропологической пер-

спектив позволяет ввести более детальные различия в концепт надежды и сделать его эмпирическим.

Антропологическое измерение надежды

В отличие от Зиммеля, который рассматривает ситуацию общения как неделимую единицу анализа, обращение к антропологической перспективе позволяет различать в общении регулирование, или правила взаимодействия, и типы знания, которыми обмениваются участники. Тогда надежда может быть представлена в двух формах: как объект регулирования и как метод познания [Miyazaki 2004]. Когда надежды выступают объектом или целью, они отражают представления о том, что должно быть, и тем самым нормируют возможные действия. Поэтому объекты надежды работают с формальными или неформальными отношениями между государством и индивидом. Если надежда выступает как метод познания, она может работать на различных дистанциях: на дальней дистанции она связана с трансцендентным знанием, а на ближней она описывает самопознание.

14

Надежда как объект, устанавливающий правовой порядок, возникает из противопоставления государства и отдельного индивида: надежда *на/несмотря на* (*for/against*) государство [Jansen 2014]. Стеф Янсен строит различие «надежды на» и «надежды несмотря на», отталкиваясь от логики наблюдения (*seeing like a...*) как дисциплинарного контроля Мишеля Фуко [Фуко 2011]. Янсен противопоставляет индивиду, обладающему надеждой, государство, которое может поддерживать индивидуальные надежды, а может им препятствовать. Иллюстрацией для этого различия могут быть две ситуации: государство, которое возлагает надежду на систему регулирования населения, и низовое управление, надежды которого неподконтрольны государству. В первом случае, согласно классической работе Джеймса Скотта, можно утверждать, что государство не достигает целей регулирования, поскольку его системы контроля все время подвергаются оспариванию [Скотт 2005]. Во втором случае, например, в исследованиях государственного управления Мадагаскара Дэвида Грэбера [Graeber 2007] и сословной структуры российского общества Симона Кордонского [Кордонский 2008], надежды и стремления граждан не попадают в систему различий государства и существуют параллельно ей. Эти две модели — «надежда на» и «надежда несмотря на» — определяют надежду как основание для формального или неформального регулирования, но не показывают механизмов его осуществления и потому нуждаются в детализации.

Если надежда определяет метод формального регулирования, она работает как трансцендентное знание и недостижимая религиозная

цель [Abrams, Keren 2007]. Право «культивирует» надежду на справедливость, а искажение правовых отношений способствует «сжатию» (*shrinking*) надежды [Hage 2003]. В то же время надежда на справедливость может быть наблюдаемой, если она проявляется массово. Ссылаясь на определение Фомы Аквинского, Абрамс и Керен показывают, что надежда способствует мобилизации прав, объединению людей во время общественных компаний и культивации чувства справедливости в других [Abrams 2011]. Однако, трансцендентный характер надежды на справедливость выводит ее за пределы правового порядка и делает зависимой от внешних по отношению к ситуации обстоятельств, которые могут не только поддерживать надежду, но и способствовать ее вытеснению. В этом случае определение надежды имеет негативный характер: она становится невозможной из-за несправедливого распределения возможностей [Hage 2003]. В результате методы надежды искажаются, а их цели меняются на противоположные [Zournazi 2002]. Из положительной эмоции, поддерживающей правовой порядок, надежда становится отрицательной эмоцией, которая выталкивается за пределы существующего порядка.

Другое, более явное определение надежды как метода предлагает Хироказу Миязаки, описывая неформальное регулирование. В этом случае надежда получает дополнительное, временное измерение и связана уже не с трансцендентным знанием, а с самопознанием (*self-knowledge*). Опираясь на работы Блоха, Беньямина и Рорти, Миязаки определяет самопознание как недостижимую цель, но не за счет внешнего характера, а за счет устремленности внутрь, в глубину [Miyazaki 2004]. Чтобы получить доступ к знанию себя, необходимо переориентировать знание, работая с двумя направлениями движения: со стремлением к будущей цели и с реконструкцией предпосылок существующих надежд в прошлом. В этом случае знание себя тестируется за счет воспроизведения в различных ситуациях, которые выявляют его неустойчивость. В то же время траектория воспроизведения знания при тестировании позволяет сделать его наблюдаемым и контролируемым.

Таким образом, антропология надежды позволяет дополнить различия Зиммеля. С одной стороны, надежда может быть объектом регулирования и методом познания, трансцендентного или самопознания. С другой стороны, трансцендентное знание тяготеет к формальному регулированию, а самопознание — к неформальному. Однако в социальных взаимодействиях регулирование и знание как аспекты надежды не разграничены: объект надежды может одновременно производить надежду в других и работать как метод надежды. Тогда способы воплощения надежды в общении зависят от переключений между надеждой, определяющей набор правил, и надеждой как отражением различных типов знаний.

Техники надежды и методы исследования

Если попытаться совместить формальную социологию Зиммеля и антропологический способ определения надежды, городские изменения можно описать как техники воплощения надежды в социальных взаимодействиях или техники надежды. Техники надежды зависят от правил взаимодействия/поддержания дистанции и способов организации знания. Зиммель утверждает, что надежда в социальном взаимодействии не может быть выражена полностью [Зиммель 2015], что создает дилемму. Не будучи выраженной, надежда не может быть воспроизведена, однако выраженная в наиболее полной форме, она разрушает взаимодействие. Можно предположить, что для каждого типа знания или способа взаимодействия есть предельная степень воплощения надежды, при которой объект надежды провоцирует стремление к нему, не разрушая при этом существующие правила взаимодействия. Таким образом, форма воплощения социальной надежды будет появляться либо в результате изменения способа действия надежды (объект/метод), либо за счет переключения между различными способами регулирования и типами знания.

16

Две ситуации городских изменений, рассмотренные во введении, следовали антропологическому различению двух типов надежды, как объекта — в случае формального регулирования с градозащитниками и как метода — в случае неформального регулирования с девелоперами. Однако, в обоих случаях надежда оставалась скрытой, в то время как публичная и явная ситуация представлялась как конфликтная. Чтобы увидеть, как надежда явным образом воплощается в социальных взаимодействиях, далее будут проанализированы два исследования городских объектов и методов их изменения. Два типа объектов, в них описанные, можно различить как результат двух способов взаимодействия, не связанных с явным конфликтом: идеального и повседневного. Первый тип объектов представлен идеальной виллой, которую анализирует Колин Роу в статье «Математика идеальной виллы» на примерах построек Палладио и Ле Корбюзье. Поскольку конфликт между постройками Палладио и Ле Корбюзье неявный, Роу приходится обратиться к малоизвестным проектам, чтобы показать, как методы двух архитекторов оспаривают друг друга. Второй объект — это вернакулярный ансамбль, описанный Андреем Ивановым в книге «Гюмри. Вернакуляр черного туфа» о небольшом историческом городе вблизи Еревана. В рассказе о Гюмри нет большого конфликта, однако, город показан собранным из остатков различных столкновений и противостояний. В случае вернакулярного ансамбля конфликт фрагментирован и распределен в городском пространстве. И хотя каждый тип объектов (вилла или ансамбль) представляет собой лишь фрагмент города, их способ влияния на организацию прилегающих территорий позво-

ляет считать их интервенциями, которые репрезентируют характерные способы городских взаимодействий [Аурели 2014].

С точки зрения способов регулирования и типов знания идеальный и вернакулярный кейсы могут быть противопоставлены друг другу. Два выбранных кейса и связанные с ними типы знания можно охарактеризовать, опираясь на различие Зиммелем художественной дистанции для идеальной виллы и дистанции в социальных взаимодействиях в случае вернакулярного ансамбля. Регулирование изменений в случае идеальной виллы следует законам красоты [Wittkower 1949; Rowe 1982], а ситуации вернакулярного ансамбля подчиняется *неписаным социальным правилам* [Иванов 2020]. В то же время типы знания, с которыми работают исследователи виллы и ансамбля, также различаются. Рассуждая об идеальной вилле, Роу приводит пример мастеров-профессионалов — Палладио и Ле Корбюзье, которые создают свои шедевры, но различия их методов наиболее явным образом проявляются в их менее известных, более повседневных постройках (ср. с рассуждениями о «мастере» у Сеннета [Сеннет 2018]). Иванов отмечает долгое отсутствие профессиональных архитекторов в Гюмри и говорит о роли ремесленников-каменщиков, чьи знания и опыт создают город [Иванов 2017]. Знания ремесленников не теоретические, как у Палладио или Ле Корбюзье, а практические. Они опираются на представление о вернакуляре как материальной форме местной культуры, которая является пространственной формой архитектурной теории, культурной географии и городской среды [Rudolfsky 1987, Высоковский 2015, Смирнягин 2011]. Знание о том, как строить дома и создавать городское пространство, каменщики получают не из книг, они копируют и варьируют уже существующие в городе элементы, комбинируют их и создают новые способы прочтения существующих форм [Rietveld, Kiverstein 2014].

Метод исследования: нарративный анализ

Два кейса дают представление о различных, не пересекающихся между собой ситуациях. Идеальная вилла показывает, как могут сочетаться формальные правила — «законы красоты» с методом надежды — профессиональным методом архитекторов. Вернакулярный ансамбль позволяет описать ситуацию, где неформальные городские правила структурированы определенным объектом надежды — городским зданием. В случае идеального кейса знание оказывается знанием самого себя, а для вернакулярного ансамбля характерно недоступное и недостижимое трансцендентное знание. Сравнение кейсов определяет границы вариаций в городском регулировании и в изменениях способов познания, которые характерны для различных городских акторов. Полученные выводы будут приложены к двум ситуациям, описанным во введении — деятельности градозащитного движения

и девелоперов. Это позволит показать векторы, по которым в ситуациях городских конфликтов идет переориентация знания и техник надежды, выделенных на примере идеального и повседневного кейсов. При этом анализ первой пары кейсов, идеальной виллы/вернакулярного ансамбля, и второй — сохранения исторических памятников/строительства новых жилых комплексов, различается по глубине. Во втором случае речь идет лишь о тестировании полученных результатов, в то время как полноценное их приложение для эмпирических исследований должно стать предметом отдельной статьи.

Разбор двух пар кейсов выполнен в традиции нарративного анализа [Vamberg, Georgakoroulou 2008]. Это означает, что для каждого кейса выделены основные события, которые составляют нарратив, а также определены различные способы выстраивания связей между этими событиями и их описаниями, которые меняются в зависимости от того, от лица какого актора ведется рассказ. В качестве события в каждом кейсе выступают объекты-здания (виллы или ансамбли), в то время как их описания отражают правила их создания и связанные с ними типы социальных взаимодействий и знания. Для идеальной виллы ключевыми элементами описаний являются оппозиции и серии оппозиций, вокруг которых выстроено обсуждение. В случае вернакулярного ансамбля ключевыми элементами выступают способы ограничения возможности действовать — неписаные правила и их материальное воплощение в виде решетки городских улиц. В результате анализа кейсов становятся понятны допустимые пределы воплощения надежды для каждого типа знания, знания самого себя и трансцендентного, а также способы частичного воплощения надежды.

18

При переходе от двух кейсов к ситуациям конфликтов, описанным во введении, меняется сочетание формального/неформального способов регулирования и трансцендентного знания/знания самого себя. Это позволяет определить другую характерную черту воплощения надежды в социальных взаимодействиях: условия ее неявного присутствия и способы ее распределения при явном конфликте. Отношения между разными способами описания виллы и ансамбля позволят выдвинуть гипотезы о том, каким образом используются техники надежды в городских взаимодействиях и как они поддерживают или нейтрализуют действия акторов, чтобы предотвратить социальные конфликты.

Идеальная вилла и метод сомнения

Два типа красоты и ее законы

В поисках метода архитектуры, позволяющего создавать *красивые здания*, Колин Роу в классической статье «Математика идеальной вил-

лы» обратился к четырем виллам-событиям Палладио и Ле Корбюзье [Rowe 1982]. Роу пытается обосновать актуальность для современной архитектуры законов красоты, сопоставив виллы как две пары объектов двух архитектурных мастеров. Первая пара — это известные здания: вилла Ротонда и вилла Савой, между которыми легко найти черты сходства. Вторую пару составляют одновременно более простые и менее схожие виллы: вилла Мальконтента и вилла в Граце. Виллы Палладио и Ле Корбюзье, которые анализирует Роу, по мнению его учителя Рудольфа Витковера, не могут иметь общих оснований для сравнения: законы красоты, которым следовали архитекторы Возрождения, после XVIII века были искажены и полностью утрачены [Wittkower 1949]. Однако Роу указывает, что в идеальных виллах Палладио, которые для Витковера были образцом красоты, и в современных зданиях Ле Корбюзье можно обнаружить общие основания. Если есть пара объектов, которые явно схожи, то проанализировав менее похожие объекты, можно выявить неявные принципы следования законам красоты, общие для метода двух мастеров.

Исходной точкой для сравнения двух пар вилл для Роу выступает неизменность метода каждого мастера, проявления которого могут отличаться от здания к зданию. Законы красоты могут иметь два источника: следование математическим принципам (*естественная красота*) или привычное для каждого мастера использование этих принципов, которое становится его методом (*обычная красота*). Однако, если основания естественной красоты очевидны, то обычная вызывает сомнения, как показывает цитата Кристофера Рена, которую Роу приводит в начале статьи:

«Есть два основания красоты — естественное и обычное. Естественное происходит из геометрии и создает единообразие соотношений и пропорций. Обычная красота возникает в процессе использования, поскольку привычка порождает любовь к вещам, которые сами по себе недостаточно хороши. В этом кроется серьезный повод для ошибок, поэтому настоящей проверкой всегда выступает естественная или геометрическая красота. Геометрические фигуры естественно красивее нерегулярных: квадрат, круг — самые красивые, и немного уступают параллелограмм и овал. Есть лишь два красивых положения прямых линий, вертикальное и горизонтальное, они имеют источникам Природу, то есть, необходимость, поэтому ничто не будет так устойчиво, как вертикальное положение» [Rowe 1982: 2]¹.

Красота и для Витковера, и для Роу выступает как объект надежды, который лежит в основе метода архитектора, но это разные типы красоты. Витковера, как и Рена интересует естественная красота, а Роу — обычная, основанная на способе делания архитектуры ма-

1 Перевод автора статьи.

стером-профессионалом. И хотя мастерство Палладио и Корбюзье проявляется по-разному с точки зрения «соотношений и пропорций» и источников *обычаев*, Роу хочет выявить их общие черты и метод проектирования как схему или набор правил, который дает надежду на воплощение образа идеальной виллы.

Оппозиции: надежда и дистанция

Чтобы определить набор правил, который может привести к созданию идеальной виллы, Роу нужно, с одной стороны, создать дистанцию между собственным описанием и образом «идеальной виллы». С другой стороны, нужно столкнуть различные типы вил, чтобы сделать видимыми техники надежды, которые скрываются в методе мастеров-профессионалов и их материальных объектах. Для этого Роу подменяет метод создания идеальной виллы оппозицией методов Палладио и Корбюзье. Далее Роу повторяет прием раздвоения и противопоставления отдельных элементов таким образом, что появляется серия воспроизведений надежды в виде пар объектов-событий, которая разворачивается от характеристик естественной красоты к качествам обыкновенной красоты. В статье Роу последовательно выделяет четыре серии оппозиций:

20

- *законы идеальной виллы*: два вида красоты, два метода архитекторов, две пары вилл, две виллы разных архитекторов [Rowe 1982: 2-3];
- *геометрия виллы*: пропорции вилл, их конструктивная схема (*structures*), жесткая планировка и свободный план, вертикальное и горизонтальное членение фасадов, элементы ордера и дополнительные объемы [Ibid.: 3-7];
- *гармония виллы*: музыкальная и математическая числовая гармония, фасад и план, фокус взгляда и периферийное восприятие, логика движения по зданию [Ibid.: 8-13];
- *метод архитектора*: общие платонические (идеальные) черты вилл, их обращение к римским и византийским образцам, серьезность и иллюзорность, классицизм и эклектика [Ibid.: 13-16].

Каждая серия оппозиций показывает способы сопоставления отдельных черт вилл, однако их простое пересечение не позволяет выделить общие правила перехода между элементами внутри каждой пары. Если Роу задает собственную дистанцию по отношению к идеальной вилле тем, что представляет ее в виде пары образцовых зданий, то возможность оппозиции внутри пары определяется дистанцией между ее элементами. Так же каждая серия противопоставлений задает правила описания дистанции и принципы ее

изменения. В то же время правила различения внутри оппозиций не относятся к математической логике: Роу выявляет их не эмпирически, а основывает на способах концептуализации и описания зданий их авторами.

Серии: от красоты к методу

В рамках первой серии, еще не сосредотачиваясь на деталях отдельных зданий, Роу противопоставляет две пары вилл — одна из них включает похожие между собой шедевры, другая объединяет два значительно различающихся здания. Эти две пары объединены тем, что они представляют методы работы двух известных архитекторов, но различаются по типу красоты, к которой они явным образом обращаются: первая связана с естественной красотой природы, а для второй важна обычная красота, где идее идеального виллы-дома Мальконтента противостоит разнообразие функций виллы в Граце. Таким образом, первая серия показывает максимальную дистанцию двух законов красоты, точкой пересечения для которых становится метод работы архитектора и его воплощение в зданиях, разнесенных во времени и в пространстве.

21

Принцип перехода внутри оппозиций, касающихся геометрии вилл, можно показать на примере противопоставления плана и конструктивной схемы в виллах Палладио и Корбюзье. Геометрия плана и его пропорции в обоих случаях «почти» совпадают, но значительно различаются конструктивные схемы: для Палладио важна жесткая оболочка в виде стен здания, а Корбюзье работает с жесткой сеткой колонн. В результате, два метода оказываются близки, хотя и не схожи в деталях. Они используют одни и те же профессиональные инструменты — обобщенную геометрию здания и пропорции, но следуют различным законам красоты, что приводит к почти противоположным результатам.

Когда в центре анализа Роу оказывается гармония, представления о красоте Палладио и Корбюзье внешне сближаются, целью обоих архитекторов выступает числовая гармония и точность отношений. Однако методы реализации этих принципов различны. Роу показывает, что Палладио опирается на пропорции, выведенные для музыки и отражающие универсальную, божественную гармонию мира, поэтому его логика пропорций действует для всех частей здания. Универсальность математической гармонии для Корбюзье иная, он обращается к пропорции «золотого сечения» и использует ее лишь на фасадах, что определяет внешнюю оболочку здания и его отношения с окружающим пространством. Единое стремление к красоте у двух мастеров реализуется с опорой на различные методы определения пропорций.

Наконец, обращаясь непосредственно к методам работы двух архитекторов на примере их шедевров, виллы Ротонда и виллы Савой, Роу показывает, что, имея много общего с точки зрения естественной, платонической красоты, виллы принципиально различаются с точки зрения обычаев и традиций, которым следуют Палладио и Корбюзье при их создании. В результате, в наиболее схожих с точки зрения геометрии плана и пропорций виллах проявляется наибольшее различие методов. Палладио обращается в качестве образца к вилле Адриана, а Корбюзье использует мотивы византийской архитектуры, здания Палладио серьезны, в то время как вилла Корбюзье подвижна и иллюзорна, Палладио тяготеет к классичности, а Корбюзье — к эклектике. При этом метод работы архитектора оказывается сродни законам обычной красоты, поскольку использует не математические законы, а опирается на исторический и профессиональный опыт.

Идеальная вилла: сомнение, раздвоенность и несовершенство

22

Роу показывает, что представления об идеальной вилле подвижны и существуют между двумя полюсами: законами красоты и методами работы архитекторов, знанием о прекрасном в искусстве и профессиональным знанием, геометрией и историей. Подвижный характер образа идеальной виллы делает его неустойчивым, а потому его воплощение становится недостижимой целью и надеждой. Любому воплощению образа идеальной виллы можно противопоставить его неполноту или несовершенство. В то же время анализ Роу показывает, как работают техники надежды, и как они делают возможным социальные взаимодействия и частичное воплощение неосуществимых надежд. Чтобы получить хотя бы частичный доступ к неосуществимой надежде, Роу использует раздвоение цели как метод сомнения в ней. Однако, чтобы сделать это сомнение работающим и эмпирическим, Роу приходится его инструментализировать, разбивая исходное сомнение в идеальности на сомнение в законах красоты и в профессиональных методах и соотнося их с четырьмя построенными виллами.

Постепенное раздвоение и дробление сомнения в виде серий оппозиций, которые потом сталкиваются между собой, позволяет определить профессиональное знание как форму знания мастером-профессионалом самого себя. В этом случае сомнению подвергается не только представление о красоте, то есть эстетический опыт мастера, но и его повседневный профессиональный опыт и метод работы. Тогда любое воплощение образа идеальной виллы в построенном здании или его проекте оказывается точкой переключения между стремлением к красоте и стремлением к полному воплоще-

нию мастерства в методе проектирования. Роль реальной виллы как способа переориентации знания о собственном опыте мастера-архитектора позволяет иначе рассматривать отношения идеального и материального в городе. Материальность зданий оказывается не только способом воплощения идеального образа, но и методом его артикуляции в городском пространстве. В то же время конфликт влияний различных зданий-вилл на городское пространство изменяет представления об идеальной вилле или о методе работы архитектора. В то же время ансамбль как сочетание нескольких зданий, дает возможность перехода от обсуждения отдельных зданий к анализу их координации и совместного действия.

Вернакулярный ансамбль: следование правилам

Повседневный город: стандарт и изменчивость

Образ идеальной виллы, может быть реализован лишь частично, но обладает согласно Роу четкими границами. Он существует на пересечении законов красоты и профессиональных архитектурных методов. В отличие от идеальной виллы, определение вернакулярного ансамбля более размыто. Иванов описывает его как «ансамбль без доминанты, незапланированный, никем не организованный, [который] становится» [Иванов 2021: 92]. Становление вернакулярного ансамбля зависит, с одной стороны, от городской структуры или «решетки», в которую он должен вписаться. С другой, вернакулярный ансамбль складывается как результат взаимодействия и совместной работы различных городских групп, чьи отношения определяют его структуру и границы. Поэтому понятие «вернакулярного ансамбля» ближе не к продуманной композиции, которой обладает идеальная вилла или архитектурный ансамбль, а к сборке-ассамбляжу диковинных фигур, которую можно было найти на стенах готических соборов [Rowe 1982].

23

Если вернакулярный ансамбль возникает незапланированно и стихийно, то с каким знанием и с какими техниками надежды он может быть связан? Говоря о Гюмри, Иванов называет основаниями для надежды на поддержание живого, изменчивого вернакулярного характера города неписанные правила его застройки и практик его использования, которым следуют городские жители. Для вернакулярного ансамбля объектом надежды становятся такие правила поддержания его изменчивости, которые позволяют избегать конфликтов и не разрушают сочетание исторических и повседневных городских черт. Эти правила остаются неписанными, они складываются в процессе обживания города, изменения уже существующих городских практик и архитектурных мотивов, диалога,

который строители устанавливают между зданиями путем повторения отдельных их элементов или фрагментов декора, фасадов, пространственных решений. Таким образом, если в случае с идеальной виллой надежда была недостижима, поскольку была связана с возможностью осознания собственного опыта, то в случае вернакуляра оказывается невозможным получить точную инструкцию и последовательность действий. Описание способа достичь цели-надежды всегда будет слишком общим, как решетка городских улиц, в промежутках которой развивается вернакуляр.

Тем не менее, Иванов выделяет возможный набор правил, которому следуют вернакулярные ансамбли Гюмри. Городские изменения, которые Иванов сравнивает с импровизацией в джазе, работают иначе, чем джазовые вариации на главную тему. Чтобы быть успешным с точки зрения вернакуляра, любое нововведение должно быть принято городом, стать частью вернакулярного ансамбля [Иванов 2021: 89]. В городе невозможно выступить с коротким соло и остаться частью музыкального ансамбля, поэтому надежда на соблюдение неписаных правил связана с тестированием границ и возможностей отклонения от них. Стандарт вернакулярного ансамбля определяет не границы отклонений, а набор возможных действий, из которого каждый может сложить свой ансамбль. Поэтому набор правил, предложенный Ивановым, оставаясь экспериментальным, помогает понять характер надежд города и границы возможных изменений его вернакулярных ансамблей. Надежда, которую дает городская импровизация, зависит от того, как вернакулярный ансамбль задает логику следования городским правилам.

24

Три правила вернакуляра и городская материальность

Три правила сохранения вернакулярного ансамбля задают стандартную логику его формирования: правило сохранения «срединности», правило действия изнутри и правило опоры на историческое наследие [Иванов 2021: 305-316]. Каждое из правил может быть определено через свою противоположность: середина и практичность не могут существовать без отклонений и мистики, действие изнутри дополняется взглядом со стороны бывшего жителя города, опора на историю становится воспоминанием о прошлом и его воспроизведением в будущем. Таким образом, каждое правило задает не столько направление действий, сколько определяет их градацию, наиболее широкую в случае «срединности» и наиболее узкую в отношении истории. Хотя для первого правила характерен значительный разброс в возможностях действий, два последующих его постепенно сужают, поэтому опора на историю задает вернакулярному ансамблю более четкий фокус действия техник надежды, которые имеют источником основ-

ной строительный материал города — камень черного туфа [Там же: 317-327]. Таким образом, все различия города размываются до качества городской «срединности» за счет неизменной материальности города, а изменения становятся лишь новыми наслоениями, которые накладываются на существующую материальную структуру города.

Однако каждое правило может быть применено не только к способу встраивания новых зданий в существующую городскую решетку, правила также касаются жителей и строителей-профессионалов, работающих в городе. Так, заканчивая обсуждение правил вернакулярного Гюмри, Иванов применяет их и к себе, обозначая тесную связь вернакулярного города и его жителей: «*если посмотреть на правила АЛГ¹ немного со стороны, то окажется, что это и правила моей собственной жизни*» [Иванов 2021: 316]. Тем самым, правила связаны с еще одним измерением вернакулярного ансамбля, его зависимостью от взаимодействия различных групп и акторов, поэтому Иванов, следом за ИКОМОС², определяет набор вернакулярных правил также как «*кодекс этики, действенный в пределах [вернакулярного] сообщества*» [Иванов 2021: 334]. Этический кодекс, такой же неписанный, как и правила создания построек, Иванов описывает через различные стратегии взаимодействия горожан, основной особенностью которых выступает сохранение преемственности с различными этапами становления города и его сообществ.

25

Если попытаться описать три правила вернакулярного «этического кодекса» города, то необходимо обозначить границы действия правил в социальном городском пространстве. Правило «срединности», то есть, существования между полюсами, отражается в представлении Гюмри как «города мастеров», где мастер — это не профессиональный архитектор или строитель, а ремесленник, который может относиться к своей работе как к творчеству. Творческие основания работы мастера-ремесленника делают его знание близким к художественному остраниению Зиммеля, тогда надежда оказывается трансцендентным, недоступным объектом. Ориентация на мастерство ремесленников определяет такое отношение к наследию, при котором важно не воспроизведение существующих форм или сохранение зданий в неизменном виде, а творческая переработка традиционных технологий и приемов [Иванов 2021: 331].

1 АЛГ — сокращение для трех названий Гюмри, существовавших в разное время, которым пользуется Иванов в книге: А(лександрополь) — Л(енинакан) — Г(юмри).

2 Межрегиональная общественная организация «Национальный комитет Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест» (ИКОМОС) — международная организация, работающая в области сохранения наследия.

Таким образом, город получает возможность изменяться. Однако границы этих изменений определяются взглядом изнутри, который проводит разницу между своим и чужим, «верит в свои отличия» от окружающих [Там же: 334]. В то же время отличия возможны только в случае опоры на историю, когда сохраняется непрерывная и живая традиция в отношении к среде, к мастерству, к отношениям между людьми. В результате, если определять неписанные правила как техники надежды и форму этического кодекса в социальных отношениях, их действие ориентировано на прошлое, которое при движении от первого правила к последнему сужает спектр возможных действий. Основанием для поддержания мастерства и традиций становится непрерывная преемственность и связность отношений, направленных на изменения в будущем.

Ограничения: «свобода внутри решетки»

26

Вернакулярный ансамбль существует на пересечении двух перспектив: прошлого и будущего, людей и камней. В то же время Иванов описывает вернакулярный ансамбль как «свободу внутри решетки» [Иванов 2017; Иванов 2021: 76-83] городских правил и городской структуры. Если надежда на сохранение вернакулярного ансамбля связана с неписаными, то есть, фактически, недоступными правилами, значит ли это, что существование вернакулярного ансамбля определяется надеждой на свободу? Как определить «свободу внутри решетки», если сохранение вернакуляра предполагает следование неписаными правилам?

Неписанный характер правил вернакулярного ансамбля, и два способа их воплощения — материальный и социальный — делают возможными бесконечное свободное изменение правил регулирования. В результате теряется значение правил как инструментов регулирования и техник надежды. Однако описание Гюмри говорит лишь о надежде на свободу, а не о ее полной реализации, поэтому у изменчивости правил должны быть границы. Решетка, внутри которой существует вернакуляр, на первый взгляд кажется лишь материальной структурой города, образованной улицами и площадями. В то же время, также как правила вернакуляра можно применить не только к материальной среде города, можно говорить о них и как о нематериальной решетке. Тогда свобода вернакулярного ансамбля оказывается ограниченной двойной системой различий — материальной структурой города и его неписаными правилами. Ансамбль остается живым и вернакулярным, пока он существует между двумя системами различий; если он будет следовать только одной из них, то станет либо пустой формой, либо мертвым памятником.

Ограничения, которые накладывают два типа решеток на вернакуляр, определяя его, тем самым, как ансамбль-сборку, работают как техники надежды. Они показывают возможность надежды на свободу и естественность, заключенную в вернакуляре, но в то же время не дают свободе сломать существующий социальный порядок взаимодействий. Эта особенность вернакулярного ансамбля также связана со сложностями определения самого понятия вернакуляра. В сложившейся традиции исследований вернакуляра, как правило, рассматривается как «народная» (*folk*) архитектура, в то время как в отношении Гюмри вернакуляр имеет не народный, а местный, городской, локальный характер [Иванов 2017]. В этом смысле анализ вернакулярного ансамбля Гюмри показывает, что «чистый» вернакуляр также недостижим и невозможен, как и идеальная вилла. Однако, если идеальная вилла обращается к «глубинам» профессионального опыта и потому воплощаются всегда лишь только ее отдельные характеристики, вернакуляр как недостижимая цель должен быть ограничен материальными и социальными отношениями в настоящем, чтобы не сделать город заложником прошлого или будущего. Поэтому выделение вернакулярного ансамбля направлено на ограничение полной и абсолютной свободы, которая могла бы проявиться в непрерывной изменчивости и текучести форм.

27

Скрытая надежда вернакуляра

Таким образом, в отличие от идеальнойвиллы, вернакулярный ансамбль направлен не на поддержание сомнения, а, наоборот, на его сдерживание и стабилизацию. В то же время, хотя Иванов предлагает закрепить часть правил вернакулярного ансамбля и сделать их писаным правом [Иванов 2021: 315], неписанный (нерегулярный) характер правил позволяет сохранить его гибкость и надежду на свободу. Сочетание регулярной и нерегулярной решетки, которое Иванов описывает для одного из кварталов Гюмри, приводит вернакуляр к ситуации свободы от конкретного пространства, его внезапности или инаковости по отношению к материальной структуре города [Там же: 162-163]. Техники надежды на свободу делают вернакулярный ансамбль объектом-событием, которое существует между реальным и иным городским пространством. В итоге стремление к надежде, заложенное в вернакулярном ансамбле, имеет две формы: явную, когда объектом надежды выступает свобода, и неявную, когда воплощением надежды становится стихийная материальность города — камень черного туфа, из которого построены все вернакулярные здания Гюмри.

В отличие от кейса идеальнойвиллы, вернакулярный ансамбль стремится уйти от раздвоенности и нестабильности за счет опреде-

ния надежды как недостижимой и явно не декларируемой цели. При этом вернакулярное знание о городе обладает более широкой зоной действия, чем профессиональное, оно действует в тех пространствах, которые находятся за границами возможного для профессионального знания. С одной стороны, вернакулярное знание работает с материальной формой города и позволяет сделать ее подвижной, не прибегая к методу раздвоения. С другой стороны, вернакулярное знание и способы изменения городского пространства могут адаптировать новые «сумасшедшие» формы и нормализовать их до состояния «срединости», встраивая в общий контекст и подчиняя существующему порядку повседневных городских изменений.

Техники надежды в городских взаимодействиях: переключения, право и юрисдикции

28

На примере кейсов идеальной виллы и вернакулярного ансамбля было выделено два метода надежды — законы красоты и профессиональный метод работы — и два объекта надежды — материальная структура (решетка) и свобода. Для знаний о городе релевантна только пара «профессиональный метод» и «материальная структура», в то время как вторая пара — законы красоты и свобода — относится к способам регулирования. Если от кейсов выявления надежды вернуться к двум ситуациям городских изменений и конфликтов, которые были описаны в начале статьи, можно показать, как именно техники надежды, основанные на двух типах знания и способах регулирования, работают в ситуации социальных взаимодействий.

В деятельности градозащитного движения «Архнадзор» присутствуют неявные надежды на красоту исторических зданий и сохранение их материальной структуры, которые определяют позицию участников движения в рамках «Школы наследия». Конфликты, с которыми связана градозащита, возникают в зоне формального права, направленного на сохранение зданий со статусом памятников-объектов культурного наследия. Напротив, Школа делает акцент не столько на формальной стороне сохранения памятников, сколько на вопросах оценки их материальной структуры, выделении ценных элементов и исторических пластов. Таким образом, хотя в работе Школы присутствует вопрос о законах красоты, само понятие красоты и ценности оказывается подвижным и может быть подвергнуто сомнению. Эта подвижность представлений о красоте при соотнесении формальных норм и материальной структуры объектов связана с обращением к надежде как недоступному объекту стремления. В то же время обращение к повседневным аспектам сохранения наследия, позволяет Школе расширять круг участников «Архнадзора» за счет организации открытых публичных событий. Неявная

и неустойчивая надежда на ценность исторического и материального пространства города создает основание для регулирования конфликтов и выстраивание диалога с различными городскими акторами.

Иначе техники надежды работают в случае девелоперов. Конфликты вокруг девелоперских проектов, как правило, носят неформальный характер и связаны со способами определить существующие ограничения. Публичные надежды девелоперов показывают образ будущего, свободный от большинства ограничений, а непубличные повседневные взаимодействия при реализации проектов направлены на решение локальных проблем и противоречий [Семенов, Шевцова, Бедерсон 2018; Бедерсон, Шевцова 2020; Волкова 2021]. С одной стороны, к техникам надежды девелоперов можно отнести тестирование реальности и знаний о ней с помощью проектов и предложений по строительству. С другой стороны, проекты девелоперов сталкиваются с особенностями территории, что приводит к их рутинизации и увеличению экономических рисков. В результате повседневное знание девелоперов и непубличные надежды оказываются направлены на ограничение и стабилизацию их надежд и надежд покупателей жилья. Однако, то, что надежды значительно изменяются из-за ограничений, может привести к конфликтам между девелоперами, местными властями и жителями. Таким образом, скрытые техники надежды при детализации девелоперских проектов зависят от возможности постоянной переориентации знаний и снижения изменчивости проекта.

29

Истории градозащитников и девелоперов, приведенные выше, показывают, что надежда может существовать в социальных взаимодействиях, однако она носит неявный или частичный характер, то есть, является намеком на надежду, как и утверждал Зиммель [Зиммель 2015]. Однако не менее важен вопрос о том, как в процессе городских изменений сочетаются разочарование и надежда. В обоих примерах можно наблюдать, что техники надежды направлены на размывание конфликтов, разочарований и создание различных форм неустойчивых и фрагментированных надежд, которые позволяют поддерживать существующие социальные отношения и взаимодействия. В результате надежда и ее частичное воплощение в социальных взаимодействиях определяет периферию публичных городских изменений и позволяет им поддерживать связность. Наличие надежды в городских отношениях сдерживает резкие, конфликтные изменения, но она может способствовать постепенным изменениям городского пространства и позволяет объяснять изменчивость городского права, не связанную с открытыми конфликтами [Волкова 2021].

Оба типа надежды, описанные на примерах идеальной виллы и вернакулярного ансамбля, зависят от двух типов права: одно

из них связано с жестким регулированием (геометрия или регулярная решетка города), а второе — с обычаями и неписаными правилами. Первый тип регулирования, который наиболее явно представлен в городском пространстве, можно отнести к техническому праву [Sclar, Baird-Zars, Fischer, Stahl 2019], которое рутинизирует повседневные действия и тем самым пытается сделать городское право более стабильным. Однако, как показывают работы Марианы Вальверд и близких к ней антропологов и исследователей городского права, на локальном уровне важны не только нормы технического права, но также спецификация зоны их применения или юрисдикции [Valverde 2015]. Когда в правовую область добавляется пространственное измерение, появляется возможность локализовать применение конкретных норм, которые получают в городском праве форму зонирования. В то же время городское регулирование также зависит от текучести существующих норм и зон их применения, или от текучих юрисдикций [Yahaya 2020]. В исследованиях права такие юрисдикции, как правило, появляются в результате расширения империй [Benton 2002] и возникновения правового плюрализма [Merry 1988], требующего сочетать различные правовые порядки. Текучие юрисдикции образуют зоны обычного права и неписаных правил.

30

В результате оба кейса техник надежды показывают, что в городском пространстве надежда, так же как и конфликты, регулирует изменчивость права и норм. Эта изменчивость зависит от типа знания, определяемого надеждой, объекта надежды, степени его удаленности или масштаба его влияния. При этом ограниченная изменчивость города и городских норм оказывается связана с принципиальным сдвигом теоретической перспективы. Описание городских взаимодействий как исключительно социальных, существующих между различными городскими сообществами сужает перспективу анализа, в центре которого оказываются социальные столкновения и конфликты. В то же время поворот к анализу надежды в исследованиях города как сложного социально-материального объекта, который сочетает нематериальные и материальные взаимодействия [Вахштайн 2014; Martes, Stark 2020], позволяет говорить о широком спектре возможных социальных изменений, которые смягчаются за счет участия в них материальных объектов [Ло 2015].

Библиография / References

- Амин Э., Твифт. Н. (2017) *Города: переосмысляя городское*. М.: Красная ласточка.
— Amin E., Twift. N. (2017) *Cities: reimagining the urban*. М.: Red Swallow. — in Russ.
- Аурели П. В. (2014) *Возможность абсолютной архитектуры*. М.: Strelka Press.

- Aureli P. V. (2014) *The possibility of an absolute architecture*. М.: Strelka Press. — in Russ.
- Семенов А. В., Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. (2018) Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(3): 140-169.
- Semenov A. V., Shevtsova I. K., Bederson V. D. (2018) Urban Mobilization and Urban Development: Strategic Interactions between Residents and Developers in a Conflict. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 21 (3): 140-169. — in Russ.
- Бедерсон В. Д., Шевцова И. К. (2020) Коалиции в обмен на лояльность? Отношения власти и строительного бизнеса в крупных российских городах на примерах Перми и Екатеринбурга. *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 4 (99): 153-170.
- Bederson V. D., Shevtsova I. K. (2020) Coalitions in Exchange for Loyalty? Relationships between Government and Construction Business in large Russian Cities. Cases of Perm and Yekaterinburg. *Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics "Polity. Analysis. Chronicle. Forecast"*, 4 (99): 153-170. — in Russ.
- Вахштайн В. (2011) На краю привычного мира: события и их фреймы. *Социологическое обозрение*, 10(3): 79-94.
- Vakhshayn V. (2011) On the edge of the familiar world: events and their frames. *Russian Sociological Review*, 10 (3): 79-94. — in Russ.
- Вахштайн В. С. (2014) Пересборка города: между языком и пространством. *Социология власти*, (2): 9-38.
- Vakhshayn V. S. (2014) Reassembling the city: between language and space. *Sociology of Power*, (2): 9-38. — in Russ.
- Волкова Н. А. (2021) Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника. *Экономическая социология*, 22(5): 54-82.
- Volkova N. A. (2021) Land Use Regulations: legally fluid technique. *Economic Sociology*, 22 (5): 54-82. — in Russ.
- Высоковский А. А. (2015) Вернакулярный город. В Александр Высоковский в 3 т. Т. 3. Public. М.: Grey Matter: 30-33.
- Vysokovsky A. A. (2015) Vernacular city In *Alexander Vysokovsky in 3 volumes*. Vol. 3. Public. М.: Gray Matter: 30-33. — in Russ.
- Запорожец О. Н., Багина Я. А. (2021) Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах. *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 269-284.
- Zaporozhets O. N., Bagina Ya. A. (2021) The Power of Hope: Securing Infrastructure in New Urban Areas. *Journal of Social Policy Research*, 19 (2): 269-284. — in Russ.
- Зиммель Г. (2015) Общение. Пример чистой или формальной социологии. *Избранное. Проблемы социологии*. М.: ЦГИ: 251-265.
- Simmel G. (2015) Sociability: An Example of Pure or Formal Sociology. *Selected Works. Social Problems*. М.: TsGI: 251-265. — in Russ.

Зиммель Г. (2018) Созерцание жизни. *Избранное. Созерцание жизни*. М.: ЦГИ: 251-265.

— Simmel G. (2018) *The View of Life. Selected Works. The View of Life*. М.: TsGI: 251-265. — in Russ.

Иванов А. (2021) *Гюмри: вернакуляр черного туфа*. Ереван: Коллаж.

— Ivanov A. (2021) *Gyumri: Vernacular of Black Tuff*. Yerevan: Collage. — in Russ.

Иванов А. В. (2017) Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX-середины XX в.) *Вопросы всеобщей истории архитектуры*, (2): 159-192.

— Ivanov A. V. (2017) Regular Vernacular: Freedom within the Grid (The Historical Center of Gyumri in the 19th-middle-20th centuries) *Questions of the world history of architecture*, (2): 159-192. — in Russ.

Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2021) «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) *Журнал исследований социальной политики*, 19(2): 205-222.

— Zhelnina A. A., Tykanova E. V. (2021) “Players” in “arenas”: analysis of interactions in urban local conflicts (the case of St. Petersburg and Moscow) *Journal of Social Policy Research*, 19 (2): 205-222. — in Russ.

32

Кордонский С. Г. (2008) *Сословная структура постсоветской России*. М.: ФОМ.

— Kordonsky S. G. (2008) *The estate structure of post-Soviet Russia*. М.: FOM. — in Russ.

Ло Д. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Из-во Института Гайдара.

— Lo D. (2015) *After Method: Disorder and Social Science*. М.: From the Gaidar Institute. — in Russ.

Павлов А. Б. (2018) Интервью с Александром Павловым. «Мы хотим как в Европе». *Экономическая социология*, 19(3): 12-24.

— Pavlov A. B. (2018) Interview with Alexander Pavlov. “We want it like in Europe.” *Economic Sociology*, 19 (3): 12-24. — in Russ.

Сеннет Р. (2018) *Мастер*. М.: Strelka Press.

— Sennett R. (2018) *The Craftsman*. М.: Strelka Press. — in Russ.

Скотт Д. (2005) *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.

— Scott D. (2005) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. М.: University book. — in Russ.

Смирнягин Л. В. (2011) Методические подходы к районированию в общественной географии. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (6): 13-19.

— Smirnyagin L. V. (2011) Methodological approaches to regionalization in social geography. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*, (6): 13-19. — in Russ.

Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году*. СПб: Наука.

- Foucault M. (2011) *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977-78*. St. Petersburg: Science. — in Russ.
- Хрусталёва М. (2016) «Мы все заслужили вот эту небольшую горстку старинных зданий». — Режим доступа: <https://heritage-school.ru/article/420> (доступ 26.12. 2021)
- Khrustaleva M. (2016) “*We all deserve this small handful of old buildings*”. — Access mode: <https://heritage-school.ru/article/420> (accessed 12/26/2021). — in Russ.
- Abrams K. (2011) Emotions in the Mobilization of Rights. *Harvard Civil Rights-Civil Liberties Law Review*, 46(2): 551-589.
- Abrams K., Keren H. (2007) Law in the Cultivation of Hope. *California Law Review*, 95(2): 319-382.
- Axinn S. (1994) *The logic of hope: extensions of Kant's view of religion* (Vol. 15) Amsterdam — Atlanta, GA: Rodopi.
- Bamberg M., Georgakopoulou A. (2008) Small stories as a new perspective in narrative and identity analysis. *Text & Talk*. 28(3): 377-396.
- Benton L. (2002) *Law and colonial cultures: Legal regimes in world history, 1400-1900*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coutard O., Guy S. (2007) STS and the City: Politics and Practices of Hope. *Science, Technology, & Human Values*, 32(6), 713-734.
- Hage G. (2003) *Searching for hope in a shrinking society*. Sydney: Pluto Press.
- Harvey D. (2000) *Spaces of hope* (Vol. 7) Berkeley, CA: University of California Press.
- Inch A., Slade J., Crookes L. (2020) Exploring Planning as a Technology of Hope. *Journal of Planning Education and Research*, 0739456X20928400, 0(00): 1-12.
- Jansen S. (2014) Hope for/against the state: gridding in a besieged Sarajevo suburb. *Ethnos*, 79(2), 238-260.
- Graeber D. (2007) *Possibilities: Essays on hierarchy, rebellion and desire*. Oakland, CA: AK Press.
- Marres N., Stark D. (2020) Put to the test: For a new sociology of testing. *The British Journal of Sociology*, 71(3), 423-443.
- Merry S. E. (1988) Legal pluralism. *Law & Society Review*, 22(5): 869-896.
- Miyazaki H. (2003) The temporalities of the market. *American Anthropologist*, 105(2), 255-265.
- Miyazaki H. (2004) *The method of hope: anthropology, philosophy, and Fijian knowledge*. Palo Alto, CA: Stanford University Press.
- Neves C. M. (2003) Optimism, pessimism, and hope in Durkheim. *Journal of Happiness Studies*, 4(2), 169-183.
- Pow C. P. (2015) Urban dystopia and epistemologies of hope. *Progress in Human Geography*, 39(4), 464-485.
- Reeves M. (2017) Infrastructural hope: anticipating ‘independent roads’ and territorial integrity in southern Kyrgyzstan. *Ethnos*, 82(4), 711-737.
- Rietveld E., Kiverstein J. (2014) A rich landscape of affordances. *Ecological psychology*, 26(4), 325-352.

Rowe C. (1982) *The mathematics of the ideal villa and other essays*. Cambridge, MA: MIT press.

Rudofsky B. (1987) *Architecture without architects: a short introduction to non-pedigreed architecture*. Garden City, NY: UNM Press.

Sclar E., Baird-Zars B., Fischer L. A., Stahl V. (Eds.) (2019) *Zoning: A guide for 21st-century planning*. NY: Routledge.

Swedberg R. (2007, December) The sociological study of hope and the economy: Introductory remarks. In *The Hope Studies Conference* (pp. 8-9);

Valverde M. (2015) *Chronotopes of law: Jurisdiction, scale and governance*. NY: Routledge.

Wittkower R. (1949) *Architectural principles in the age of humanism*/ London: The Warburg Institute.

Yahaya N. (2020) *Fluid Jurisdictions*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Zournazi M. (2003) *Hope: New philosophies for change*. Hove: Psychology Press.

Рекомендация для цитирования:

Волкова Н. А. (2021) «На что я могу надеяться?» Социология надежды и права в городских исследованиях. Социология власти, 33 (4): 8-34.

34

For citations:

Volkova N. A. (2021) "What can I hope for?" Sociology of Hope and Law in Urban Studies. *Sociology of Power*, 33 (4): 8-34.

Поступила в редакцию: 26.09.2021; принята в печать: 27.12.2021

Received: 26.09.2021; Accepted for publication: 27.10.2021